

речей русских и англоговорящих судебных ораторов XIX века (Ф.Н. Плевако, Э. Карсона, Г.Р.Селдена) позволяет выделить некоторые риторические параметры жанра судебной речи. На наш взгляд, к ним следует отнести различные способы и приемы интеграции оратора с аудиторией, предъявление аудитории специфических топов, диалектическое единство рационального и эмоционального компонентов аргументации и наличие активной личностной авторской позиции оратора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анисимова Т.В. Адресат судебной речи: риторический аспект // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй Международной научной конференции. 24-26 апреля 2007 г. Волгоград, 2007. Т. 1.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров.// М.М.Бахтин Литературно-критические статьи М.: Художественная литература,1986
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.
4. Карсон Э. Открытая речь в защиту лорда Куинсбери (по делу О. Уайлда) // www.law.umkc.edu/

faculty/projects/ftrials/

5. Плевако Ф.Н. Дело о восстании люторических крестьян // Судебные речи знаменитых русских адвокатов / Сост. Е.Л. Рожникова. М., 1997. С. 263–267.
6. Пригарина Н.К. Аргументация судебного дискурса: риторический аспект. Монография. Волгоград: Издательство ВГПУ Перемена,2008
7. Селден Г.Р. Речь в защиту американской суфражистки Сьюзен Б. Энтони // www.law.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/
8. Селден Г.Р. Биографии и образы // winningthevote.org/HRselden.htm

N. Prigarina

PHETORICAL PARAMETERS OF THE GENRE IN THE SPEECH OF JUDICIAL PRACTIC OF RUSSIAN AND ENGLISH SPEAKER OF COURT

Abstract: The article on the material of protective speeches by Russian speakers and English speaking court examines phetorical parameters of the genre of judicial speech.

Key words: the reasoning of the court speech ,a rhetorical genre, judicial speech.

УДК 81'42

Пригарина Н.К.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ» КАК КОМПОНЕНТ АРГУМЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕЧИ*

Аннотация: Изучение аргументации все больше и больше отходит от сугубо логических канонов и поворачивается к изучению дискурсивных элементов, характеризующих аргументацию в гуманитарной сфере. Для сугубо практических, риторических потребностей современная теория аргументации не всегда может быть безоговорочно использована, главным образом, потому, что она до сих пор не стала единой дисциплиной и распадается на ряд направлений в соответствии с тем, какую науку представляют авторы.

Ключевые слова: аргументация, судебная речь, дискурсивные элементы

Положительной тенденцией, наметившейся в науке в последнее десятилетие можно считать тот факт, что изучение аргументации все больше и больше отходит от сугубо логических канонов и поворачивается к изучению дискурсивных элементов, характеризующих аргументацию в гуманитарной сфере. Вместе с тем для

сугубо практических, риторических потребностей современная теория аргументации все еще не всегда может быть безоговорочно использована, главным образом, потому, что она до сих пор не стала единой дисциплиной, распадается на ряд направлений в соответствии с тем, какую науку представляют авторы. Однако бурное развитие частных риторик требует описания их аргументации, и отсутствие общей аргументативной концепции нередко тормозит все дело.

В связи с этим, весьма положительным представляется формирование учения о стратегиях и тактиках аргументации. В отличие от классической теории, ориентированной на описание статичной номенклатуры видов аргументов, этот новый подход изучает аргументацию в движении, в процессе ее творения, с сугубо речеведческих позиций, что нельзя не считать большим шагом вперед по пути гуманизации и гуманитаризации теории аргументации.

Правда, некоторые исследователи утверждают, что «условно выделенные компоненты не могут быть

* © Пригарина Н.К.

четко разграничены в силу интегрированного характера самой аргументации в них и в связи с этим образующих различных стратегий, которые, в свою очередь, представляются размытыми понятиями, несмотря на семантику слова «стратегия», которая понимается как «нечто» с четкой, радикальной ориентацией» [Фанян 2000, 253]. Как представляется, к такому пессимистическому выводу приходят только авторы, непосредственно связывающие стратегии с их грамматическим выражением с помощью коннекторов (маркеров) тех или иных значений (союзы, вводные слова и пр.) Вместе с тем риторический подход, ориентирующийся на интенцию, дает возможность вполне четко отделить одну стратегию от другой в соответствии с той микрозадачей, которую ставит перед собой оратор.

Среди традиционно выделяемых групп стратегий (этические, рациональные, эмоциональные), наиболее важным для понимания общей специфики аргументации является этическое направление. Роль этической аргументации состоит в том, что с ее помощью возможно формирование определенных моделей социального поведения, поскольку она является своеобразным механизмом взаимодействия мышления и речи (языка). Кроме того, именно этическая аргументация отвечает за формирование нравственных идеалов и социальных императивов у слушателей. При этом также проявляется важнейшее свойство этической аргументации - неявное убеждение без назидательности и предписательности.

В связи с этим, представляется особенно важным описание тех стратегий, которые формируют специфику конкретного риторического жанра. Так, для судебной защитительной речи одной из наиболее часто востребованных является генеральная стратегия «представление своей позиции», которая позволяет оратору склонить суд к принятию его концепции. Эта стратегия может включать следующие частные ценностные стратегии.

1) Стратегия предъявления ценностей. Исследование принципов построения риторической аргументации подводит к выводу о том, что именно ценности, положенные в основание аргументации воздействующей речи, определяют отбор и соотношение всех компонентов аргументации, являются фундаментом всей системы.

Начиная с древности, мыслители оценивали деятельность (в том числе и речевую деятельность) человека в категориях этики. Так, у Платона «эйдос всех эйдосов» - Благо; у Аристотеля Благо определяется как основная категория, отвечающая за обоснованность аргументации; для Канта априорные формы чувств и рассудка обусловлены познавательными способностями человека, поэтому это человеческое (изначально этическое) мироопи-

сание; у Ницше мир есть интерпретация субъекта, для которого добро и зло неразрывно связаны с самим субъектом и т.д. Таким образом, бытие человека осмысливается как постоянный «выбор», «оценка», «сортировка» предметов, поступков, высказываний на «хорошее» и «плохое», «добро» и «зло». С помощью этической аргументации происходит формирование представлений о том, что является достойным, порядочным, желательным в поведении человека, отличает одобряемые обществом поступки от неодобряемых [Викторук 2004, 111-112].

В связи с этим, именно стратегия предъявления всевозможных ценностей, лежащих в основе позиции оратора, является определяющей, обладает наибольшей воздействующей силой. Особенно активно здесь используются следующие тактики:

А) Тактика интерпретации закона. Далеко не всегда прямая ссылка на законодательную норму оказывается достаточной для того, чтобы убедить суд (особенно присяжных). Поэтому обращение к законодательству может потребоваться для того, чтобы присяжные лучше поняли / убедились, что следует применять именно этот закон. То есть общее назначение данной тактики состоит в подведении события под законодательную норму. «Интерпретация текста правового акта осуществляется через отражение в сознании адресата пришедшего к нему от адресанта (законодателя) сообщения, выражающего волю последнего. От того, насколько точно интерпретант уяснит содержание сообщения, т.е. его референцию, зависит эффективность правового воздействия на те или иные общественные отношения». [Прокофьев 2005, 824]

Если к рассматриваемому случаю может быть применено несколько разных норм, то задача оратора состоит в том, чтобы выбрать подходящую норму и обосновать правомерность применения к данному случаю именно ее. В целом обсуждение соответствия или несоответствия деяния определенной норме законодательства, спор о том, какую именно статью следует применять к конкретному случаю всегда занимает большое место в прениях сторон:

Дементьев не пошел и вследствие этого его обвиняют по статье 113 за неисполнение приказаний начальника. Применить эту статью к человеку в положении Дементьева на взгляд защиты чрезвычайно трудно. Было ли здесь приказание начальника? Нет, потому что Дагаев не командовал в той команде, в которой состоял подсудимый. По статье 110 оскорбление нижним чином всякого офицера приравнивается к оскорблению начальника. Но это дело

совершенно другого рода, оно основано на других соображениях. В законе есть целый ряд преступлений: неповиновение, неисполнение требований и т. п. Кто бы ни был нижний чин и кто бы ни был офицер, если нижний чин оскорбил его, то он наказывается как оскорбивший начальника. Но статья 113 говорит только о неповиновении начальнику, о неисполнении приказа подчиненным. Давать ей более широкое толкование значило бы ставить всех солдат в такую страшную зависимость от всех офицеров, которая едва ли согласна с пользами и требованиями дисциплины. (В.Д. Спасович Дело Дементьева)

Б) Тактика обращения к этическим и нравственным ценностям судопроизводства. Мораль является общей ценностью, наиболее близко соотносящейся с правом. Подавляющее большинство правовых суждений были выведены в свое время из моральных норм. При этом правовые нормы являются более сильными и в тех случаях, когда право и мораль вступают в противоречие, приоритет остается за нормами права.

Очевидно, что, в отличие от сугубо правовых, морально-нравственные ценности, во-первых, не являются обязательными, а во-вторых, могут существенно меняться (варьироваться) от эпохи к эпохе. Причем сами ценности вечны, они не меняются, но меняются приоритеты общества.

В качестве таких ценностей адвокаты чаще всего используют следующие:

- этическое понимание назначения правосудия:

Обществу нужны не жертвы громких идей, а правосудие. Общество вовсе не нуждается в том, чтобы для потехи одних и на страх другим время от времени произносились обвинительные приговоры против сильных мира, хотя бы за ними и не было никакой вины... Не поддавайтесь той теории, которая проповедует, что для полного спокойствия на земле нужно иногда звучать цепями осужденных, нужно наполнять тюрьмы жертвами и губить их из-за одной идеи правосудия... Будьте судьями разума и совести!.. (Ф.Н. Плевако, Дело Кострубо-Карицкого);

- необходимость учета в принятии судебного решения тех жизненных обстоятельств, в которых оказался подсудимый (человечность и сочувствие):

Господа, вы видели здесь всех «потерпевших», вы видели, что они все довольны, все уболагодворены, все получили свое; но тут забыли одного гражданского истца, забыли лишь одно существо, которое пострадало: забыли дочурку Росковшенко, его маленькую Олю - только она, и она осталась обиженной, она одна имеет пра-

во иска! Нельзя в регламент вписать, что ты не ешь, когда есть хочется. (Ф.Н. Плевако Дело Росковшенко);

- необходимость учета при принятии судебного решения положительных характеристик личности подсудимого:

Движение человеческой мысли и науки в области права шли именно к тому, чтобы в суждении о человеческих поступках давалось преобладание этому внутреннему миру. 20—30 лет честной безукоризненной жизни человека должны заставить задуматься, быть осторожнее к показаниям, которыми приписывается обвиняемому дело, настолько темное, что решиться на него можно было бы лишь при испорченности нрава. Как-то не вяжется одно с другим! То же мы видим и здесь. Прошлое Гаврилова более чем безупречно. Вам читали отзыв лиц, перед глазами которых проходила домашняя и общественная жизнь подсудимого. Ответьте мне: Гаврилов, как его изображают отзывы, похож ли на Гаврилова, каким его изображает обвинение? (Ф.Н. Плевако, Дело Гаврилова).

2) Стратегия оценивания, как правило, бывает распределена по всей речи в отличие от большей части других стратегий, располагающихся довольно локально.

Оценочные суждения являются одним из главных способов выражения ценностей в речи. Однако в теории аргументации долгое время этому виду аргументации уделялось совершенно недостаточное внимание. На это указывал еще Х. Перельман, который сетовал на отсутствие самостоятельных исследований своеобразия аргументации в поддержку ценностей [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969]. По старой традиции считалось, что способы аргументации, применяемые в случаях описаний, автоматически приложимы и к оценкам.

Всякая человеческая деятельность неразрывно связана с постановкой целей, со следованием нормам и правилам, систематизацией и иерархизацией рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под образцы или стандарты, отделением важного и фундаментального от менее существенного и второстепенного и т.д. Все эти понятия: «цель», «норма», «правило», «система», «иерархия», «образец», «стандарт», «фундаментальное», «второстепенное» и т.п. — являются оценочными или имеют важное оценочное содержание [Ивин 2003, 152].

Юридическая практика как никакая другая нуждается в оценках (как объективных, так и субъективных), поэтому употребление оценок является обязательным и всеобщим требованием

к юридической аргументации.

О важности адекватных оценок для судебной речи хорошо говорил Ф.Н. Плевако, который указывал, что, в зависимости от того, каким образом оценивают очевидцы увиденное, вырабатывается и отношение к событию преступления у присяжных, поэтому требование максимальной объективности, непредвзятости оценок выдвигается одним из важнейших условий правосудия:

Исполнить свою обязанность по разуму и совести вы можете только в таком случае, если вам переданы данные дела так, как следует, и высказано при оценке фактов дела правильное мнение о свойстве их. Но когда судьи, от которых требуют ответа, не были очевидцами события, а должны судить о нем по работам, посвященным исследованию его лицами, к тому законом уполномоченными, то условие истины стоит в зависимости не только от события, которое судят, но и от приемов, которые употреблены при восстановлении перед судьями действительности. Точно так же, когда от судей требуют не только ответа на вопросы о событии, но и о нравственной оценке его и его деятелей, большое значение приобретает прием, к которому обращаются лица, в облегчение вашего труда предлагающие вам свои воззрения и основания к ним. (Ф.Н. Плевако, Дело Мордвина-Щодро и кн. Оболенского)

Стратегия оценивания состоит в том, чтобы для достижения конечной цели – формирования итоговой юридической оценки *виновен / невиновен* – пройти определенный путь, подвести к этой оценке, постепенно формируя у слушателей определенное отношение к подсудимому и совершенному им деянию.

3) Самопрезентация – «это эмоциональная самоподача оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» [Быкова 2000, 50]. Если в политической речи самопрезентация занимает центральное место среди стратегий воздействия [Иссерс 2001; Паршина 2004 и др.], то в судебной речи она может быть оценена как второстепенная, причем она представлена достаточно имплицитными примерами. Оратор, конечно, должен укреплять свой имидж, но это не является его главной целью, а лишь вспомогательным средством достижения запланированного результата.

Необходимость самопрезентации оратора в риторическом тексте признавалась еще Аристотелем, который в «Риторике» описывал ее как аргумент «к нравам» говорящего. Схема убеждения с использованием этого аргумента в практи-

ке греческих ораторов заключалась в том, что выступавший старался в наиболее выгодном свете представить в своей речи собственный характер: «Обычно, подобно Сократу в “Апологии”, оратор заявлял, что он человек неискушенный, честный, достойный и несведущ в произнесении речей, но на него давят обстоятельства; а его оппонент — человек лукавый, коварный и недостойный» [Kennedy 1963, 91]. Таким образом, указанная стратегия опирается на нравственный характер (моральные характеристики) говорящего, произносится так, что внушает к нему доверие, поскольку мы склонны более и скорее верить людям хорошим, особенно в тех случаях, когда нет ничего ясного, а есть место колебанию и неопределенности. Ср. пример реализации этой стратегии у Ф.Н. Плевако:

Но хотя мы теперь в положении боевом, хотя против нас готовятся удары сильные и, по всей вероятности, меткие, я хочу отступить от прививаемой боевой тактикой привычки тянуть во что бы то ни стало в свою сторону, рассчитывая на подобный же прием и со стороны соперников и на то, что вы, судьи, восстановите истину, отсекая крайности наших мнений. (Ф.Н. Плевако, Дело А. и И. Поповых)

Эта стратегия может реализовываться в двух конкретных тактиках.

А) Прямая самопрезентация состоит в самохарактеристике оратора. Чаще всего использование этой тактики бывает обусловлено ситуацией на судебном процессе, когда выдвинутые против адвоката обвинения или упреки требуют сначала укрепить свой имидж в глазах присяжных:

Защитнику, прежде всего, необходимо постараться приобрести доверие к себе. Доверие приобретается основательностью речи; но бывают речи основательные, которым, однако, нет веры: это бывает тогда, когда явится подозрение, что человек говорит не то, что хочет его сердце, - сердце в разладе с разумом. Подобное подозрение могло явиться у вас, господа присяжные, против меня, защитника, потому что Гольдсмит в начале заседания заявил, что я собирался быть поверенным его, как гражданского истца. Но я очень счастлив, что не искал, где глубже, где лучше, где больше дают: это видно из того, что, слава Богу, защищаю по назначению суда и, следовательно, никакого личного интереса, кроме душевного, сердечного расположения, в переходе из одного лагеря в другой не имел. Поэтому я полагаю, что вы отнесетесь ко мне с доверием настолько, насколько этого будет заслуживать внутренняя правда моих слов. (Ф.Н. Плевако, Дело братьев Бострем)

По мнению Аристотеля, для того, чтобы такие аргументы были успешными, аргументатору необходимо иметь хорошую репутацию: «значит, считаться у всех людей серьезным человеком или обладать чем-нибудь таким, что составляет предмет стремления всех или большинства, или добродетельных, или разумных людей» [Аристотель 1978]. В сознании слушателей имеется стойкое убеждение в том, что осуждать и оправдывать может только безупречный, с точки зрения нравственности, человек. Поэтому указание на свои высокие моральные принципы и благие намерения является важной составной частью аргументации оратора:

Поэтому, если сейчас, в настоящую минуту, увлеченный заблуждением ума и давно накопившейся желчью от семейного спора, Григорий Первушин не сознает важности для себя этого семейного интереса, то мы не должны обращать на это внимание. Адвокат служит правосудию, но никогда не будет орудием мести и вражды. И если в душе его верителя еще гнездится неостывшая досада на брата – адвокат ее не знает, ее не слышит. (Ф.Н. Плевако Дело Первушинных).

Б) Косвенная самопрезентация состоит в том, что оратор, рассказывая о своих делах и убеждениях, демонстрирует хорошие качества тем, что не просит лишнего, не требует осуждения невинного и пр. Формируя хорошее отношение к себе, адвокат нередко предъявляет различные этические ценности, которыми обязан, по его мнению, руководствоваться защитник в судебном процессе.

Едва настоящее дело, в силу закона, перешло в мои руки, как подсудимый слишком хорошо понял и узнал, что на такие сомнительные данные представитель его на суде ссылаться не будет; что представитель его на суде не возьмет на свою совесть, не будучи внутренне убежден, клеветать на покойную женщину. (Ф.Н. Плевако Дело Лукашевича).

Таким образом, можно сделать вывод, что в судебной речи оценочный элемент присутствует практически во всех стратегиях и тактиках: рассуждает ли адвокат о показаниях свидетелей или экспертизе, рассказывает о произошедшем событии или квалифицирует деяние – он привносит ценностный элемент, поскольку и экспертиза, и деяния и пр. *оцениваются*. Именно поэтому ценностные стратегии должны быть признаны первыми и главными для судебного дискурса (в отличие, скажем, от науки, где главными окажутся рациональные стратегии). Вместе с тем (с учетом условности всякого деления живой речи на

категории) все-таки возможно отделение собственно ценностных стратегий, где оценивание является основной интенцией, от рациональных и эмоциональных стратегий, где ценностный элемент хотя и присутствует, однако занимает подчиненное положение: если оратор приводит факты, главным является обращение внимания на то, что было, а оценивание этих фактов занимает подчиненное положение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аристотель Риторика // Античные риторика / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978.
2. Быкова О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. - Красноярск, 2000. Вып. 1 (9).
3. Викторук Е.Н. Неклассические модели этической аргументации: Дисс... докт. филол. наук. Красноярск, 2004.
4. Ивин А.А. Риторика: Искусство убеждать. Учебное пособие. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2001.
6. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: монография. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2004
7. Прокофьев Г.С. Право как информация // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. Ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005.
8. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: Дисс... докт. филол. наук. Краснодар, 2000.
9. Kennedy G. The art of persuasion in Greece. Princeton. N.Y. Princeton University Press, 1963.
10. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame, London, 1969.

N. Prigarina

GENERAL STRATEGY OF «REPRESENTATION OF THEIR POSITION» AS A COMPONENT OF JUDICIAL ARGUMENTATION SPEECH

Abstract: The study of argumentation is increasingly moving away from a purely logical rules and turned to the study of discursive elements that characterize the reasoning in the humanitarian sphere. For purely practical needs of the modern rhetorical theory of argumentation is not always fully utilized, mainly because it has not yet become a unified discipline, and it splits into several lines according to what science are the authors.

Key words: argumentation, judicial speech, discursive elements